

го с оппозицией благородства, все удовольствия изящной беседы и светской жизни с дрязгами жизни домашней, равенство супругов и брачные страдания под неизбежным гнетом закона. Если, наконец, чувство повиновения вытекает из инстинктов субординации и идеи долга, вы заметите, как то бывает у народов германской расы, безопасность и счастье домашней жизни, прочность ее, медленное и неполное развитие жизни светской, врожденное уважение к установленным властям, суверенную привязанность к прошлому, поддержание социального равенства, страх естественный и привычный перед законом. Равномерно в каждой расе вместе с различием общих идей религия, искусство и философия проявляются различно. Если человек склонен к широким всемирным воззрениям и вместе с тем любит возмущать их нервною своею раздраженным организмом, то мы увидим, как в Индии, изумительное богатство гигантского религиозного творчества, роскошное процветание чрезмерной и призрачной эпопеи, страшную запутанность утонченного и фантастического философствования, и в то же время все они столь тесно связаны между собой и столь пропихнуты общей идеей, что по одной их нити, окраске и самому беспорядку можно тотчас их признать продуктом одного и того же климата и одного и того же духа. Если, напротив, человек от природы здравый и обладающий равновесием сил, ограничит добровольно мир своих восприятий с тем, чтобы точнее определить форму, тогда перед нами явится, как в Греции, теология артистическая и повествовательная, отдельные божества, совершенно отрешенные от вещей и преобразованные в точные личности; чувство всеобщего единства почти сглаживается и едва-едва сохраняется в неопределенном представлении Судьбы; философия – более утонченная и сжатая, нежели величественная и систематическая, но зато несравненная в своей логике, софистике и морали; поэзия и искусство превосходят своей ясностью, естественностью, размером, истиной и красо-

той все, что когда-нибудь видели до тех пор. Если, наконец, человек, прийдя к узким восприятиям и лишившись всей умозрительной тонкости, окажется в то же время поглощенным и проникнутым в целостности практическими стремлениями, тогда мы встретим, как в Риме, простых богов с пустыми именами, годных для обозначения мельчайших подробностей сельского быта, деторождения, хозяйства, брака, фермы, и вследствие того мифологию, философию, поэзию ничтожную или заимствованную. В этом случае, как и везде, применяется закон *взаимной зависимости*. Цивилизация составляет собой тело, и ее части совокупляются наподобие частей органических тел. Как в животном его инстинкты, зубы, члени, кости, мускулы связаны между собой, и изменение в одном влечет за собой соответствующую перемену в другом, так что искусный натуралист может по песочным обломкам воссоздать почти весь остов; точно так же и в цивилизации религия, философия, семейный быт, литература, искусство составляют систему, в которой всякая местная перемена производит всеобщую перемену, и опытный историк, изучив отдельную часть, знает вперед и наполовину угадывает характер остального. В этой обоюдной зависимости нет ничего неопределенного. В живом организме эта зависимость выражается в ее стремлении осуществить известный первобытный тип, и необходимость быть в согласии с самим собой, чтобы жить и владеть органами, необходимыми для удовлетворения своих потребностей. В цивилизации она определяется присутствием в каждом великом человеческом творчестве производительного элемента, присущего всему окружающему; я понимаю под этим известную способность, павык, заметное расположение, которое, отличаясь ему свойственным характером, проникает во все отправления и по мере своего видоизменения видоизменяет всякое дело, в котором принимает участие.

Histoire de la littérature anglaise.

Introduction.